

УДК 316.012

А. П. ЛИМАРЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК (МИНСК)

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННОГО ДОЛГОВОГО И ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Рассматриваются социальные причины развития современного глобального финансового и долгового кризиса. Анализируется воздействие на монетарную политику социальных процессов, связанных с изменениями в технологическом укладе экономики, отношениях собственности, классовых отношениях, возрастающей капиталоемкости общественного производства. На примере кризиса валюты «евро» обсуждаются проблемы взаимозависимости денежных и социальных систем. Представлена критика концепций «управляемого» кризиса и моральной оппозиции действующим денежным системам и актуальной монетарной политики.

Ключевые слова: деньги, финансы, рынки, долговой кризис, социальные отношения, институты, классы, внутриклассовые группы, капитал, трудовые отношения.

This paper deals with the social grounds for development of the current global debt and financial crisis. The impact on monetary policy made by the social processes related to changes in the technological structure of economy, property relations, class relations, increasing capital intensity of social production is given analysis to. The interdependence of monetary and social relations is given through the example of Euro currency crisis. Criticism of the concept of «managed» crisis and moral opposition to the existing monetary systems and current monetary policy is suggested.

Key words: money, finances, markets, debt crisis, social relations, institutions, classes, intra-class groups, capital, labour relations.

Финансовый кризис 2007 г. вызвал бурные теоретические споры среди экономистов. Часто на страницах одного академического издания или на площадке научной конференции можно ознакомиться с прямо противоположными объяснениями причин кризиса и предложениями о путях выхода из затянувшейся экономической рецессии. Эти разногласия свидетельствуют о кризисе экономической теории. Скорее всего, западная экономическая наука избегает опасных тем. Непосредственной причиной мирового финансового и долгового кризиса, как это и утверждает большинство экспертов, действительно стало дерегулирование финансовых рынков и финансовых институтов. Это дало повод для многочисленных обвинений в адрес финансовой и политической элиты. Общественный дискурс по вопросу о причинах мирового финансового и долгового кризиса выхолащивается всякого рода моралистами и идеологами. СМИ и даже научная публицистика заполнены материалами, обличающими жадных банкиров и продажных политиков. Но особенно популярны «теории мирового заговора» и «управляемого кризиса».

Аргументы и выводы сторонников этих волюнтаристских концепций очень убедительны. Порой трудно возразить что-либо, например, авторам коллективной монографии «Политическое измерение мировых финансовых кризи-

сов» (М., 2012) или авторам других подобных публикаций. «Большие частные деньги» действительно всегда играли то на понижение, то на повышение рыночной конъюнктуры, преследуя свои корыстные интересы и в обоих случаях извлекая финансовые и политические дивиденды. Особое моральное возмущение вызывает паразитизм финансовых кланов на ссудном проценте, долларовой монополии и эмиссионной ренте. Все это уже неоднократно повторялось в истории. Однако денежные и финансовые системы никогда не формировались только под монопольным давлением и на потребу лишь ростовщиков. Они всегда были следствием трудного, часто несправедливого компромисса основных участников рыночных и денежных отношений. Причем денежные и финансовые инновации, за редким исключением, не были волонтаристскими проектами. Денежная и финансовая политика определялась логикой развития социальной и экономической системы обществ в конкретных исторических условиях. Социальные изменения вообще никогда не бывают полностью сбалансированы. Поймать в паруса ветер истории удел мудрейших (или, по Марксу, передовых классов), но даже они часто терпели исторические поражения. Деньги и финансы, пожалуй, самая сложная подсистема общества. Общество одновременно и целеустремленная, и эмерджентная система. Целеполагание всегда ограничено горизонтом времени, эмерджентными процессами, новыми непредсказуемыми изменениями. Исторически управление деньгами всегда было в той или иной степени экспериментально, всегда приспособлялось к объективным историческим обстоятельствам. Может сложиться так, что все возможные решения окажутся худшими, ситуация финансового цугцванга. Кстати, финансовая игра сложнее шахматной. Поэтому научный анализ денежных систем и финансовых отношений должен исходить из методологических установок принципа историзма. Многочисленные сторонники нравственной оппозиции ссудным деньгам и сторонники теории «управляемого кризиса» за исключением последовательных марксистов никогда не предлагают альтернативу и крайне упрощают вопрос о бенефициарах денежной системы. Бенефициаром денег всегда являлся господствующий класс, а не только финансовые кланы. Не следует преувеличивать и роль внутриклассовых конфликтов в системе денежных и финансовых отношений. Исторически возрастающая роль финансовых внутриклассовых групп в экономической и социальной системе – не только следствие их упорной и часто аморальной борьбы за свои групповые интересы, но прежде всего следствие постоянного усложнения экономической системы общества, объективного роста значимости финансового сектора. Коренные интересы внутриклассовых групп, по крайней мере крупной буржуазии, тесно переплетены и принципиально не противоречат друг другу. В этой классовой среде нет антагонистических отношений. Еще В. И. Ленин указывал, что слияние банковского капитала с промышленным является характерной особенностью развития новой стадии капитализма.

Именно на основе внутриклассовой кооперации укреплялись экономические, социальные и политические позиции финансового капитала и финансовой олигархии. Многие ведущие банковские корпорации владеют крупными пакетами акций промышленных компаний. Утрата или обесценивание этих активов создаст серьезную угрозу стабильности всей банковской системы. Основу современного капитализма составляют финансово-промышленные группы, так что термины «финансовый капитализм», «финансализация экономики» вовсе не означают войны промышленного и финансового капитала на взаимное уничтожение. Мы можем говорить лишь о смене лидера в тандеме «промышленный – финансовый капитал», об опасной для существования самой капиталистической системы монополизации финансового сектора экономики. Вся система мирового капиталистического хозяйства становится слишком сложной, все большая часть ее энергии тратится на хеджирование растущих рисков, рынок производных финансовых инструментов достиг невообразимых масштабов и угрожающе навис над всей эконо-

микой. Капитал все чаще уходит на финансовые рынки, в спекулятивные операции, потому что в условиях экономической рецессии не может найти применения в реальном секторе экономики. Современная финансовая система стала слишком большой и трудноуправляемой. Она создает все большую нагрузку на реальный сектор экономики. Но самое опасное в том, что финансовые спекуляции и нетрадиционная монетарная политика, т. е. безудержная денежная эмиссия и запредельно низкие процентные ставки, дезориентируют инвесторов. Если цены на фондовых, товарных и сырьевых рынках формируются не столько реальным соотношением спроса и предложения, сколько биржевыми спекулянтами, то неясна реальная стоимость активов, куда вкладывать капитал.

Сейчас общим местом стали обвинения США и международных финансовых монополий в неокOLONIALИЗМЕ и гегемонизме. Однако исторически национальные и международные денежные и финансовые практики в конкретных исторических обстоятельствах всегда выстраивались так, что в той или иной степени интересы всех основных участников учитывались: государств, промышленного, торгового и финансового капитала и даже общества в целом. От финансового пузыря на рынке недвижимости выиграли не только спекулянты, но и строительные компании, многие смежные отрасли экономики. Конечно, во время кризиса цены на реальные активы резко падают, но финансовая лихорадка оставляет после себя не только руины на фондовых рынках, но и обновленную инфраструктуру, новую жилую и коммерческую недвижимость. Под финансовыми (экономическими, рыночными, спекулятивными) пузырями обычно понимают ситуации, когда цены на различные активы определяются не реальным спросом и предложением, а искусственным стимулированием спроса, например спекулятивными биржевыми операциями. Можно сказать, что вся история капитализма – это история больших и малых рыночных пузырей. Но если пузыри на финансовых рынках оставляют после себя только разоренных инвесторов, то спекуляции на рынках реальных активов часто способствуют росту нового богатства. В начале 2000 г. лопнул пузырь на рынке IT-технологий, но была создана новая высокотехнологичная отрасль современной экономики.

Когда практикуемая денежная и валютная система перестает хотя бы в минимально необходимой степени соответствовать интересам основных участников, а у оппонентов действующей системы накапливается ресурс сопротивления, происходит перестройка национальных или международных финансов. Ясно, что Ямайская денежная система и последующее развитие международных финансов опасно укрепили международные финансовые монополии, долларовую монополию и мировое господство США, но именно достигнутое согласие и упорядочение международных финансов дали мощный импульс экономическому развитию многих стран, хотя были и пострадавшие, особенно в результате волюнтаристской политики МВФ. Экономический взлет Китая невозможен без открытых внешних рынков, без международной расчетной системы на основе доллара. То же можно утверждать и об экономиках многих успешно развивающихся стран (Бразилия, Филиппины, Индонезия, Вьетнам и др.). Да, пользователи доллара платили и платят бенефициару эмиссионную ренту, но для многих развивающихся стран выгоды превышали издержки, и выбора не было. К тому же, за все надо платить и США вполне могут пострадать больше других стран в результате неизбежной перестройки международной валютной системы. Любая денежная и финансовая система рано или поздно изживает себя. Возможно, мировое сообщество находится накануне такого исторического события. Основная проблема ныне действующей международной валютной системы в том, что доллар является национальной денежной единицей и в то же время выполняет функции мировой валюты. Но мировое сообщество и мировая экономика пока не готовы к решительным переменам в этой области междуна-

родных отношений. Напротив, в условиях кризиса сегодня доллар остается лучшим из худших защитных активов, поскольку хороших и вовсе нет.

Кризисы денежных и финансовых систем часто вызывались неэкономическими причинами: войны, революции, природные катастрофы, неспособность классовых групп к компромиссу, некомпетентность монетарных властей или непреодолимый эгоизм отдельных групп господствующего класса. Но когда финансовый кризис имел глубокие корни в экономическом базисе, он всегда был предвестником надвигающейся грозной социальной болезни, часто с летальным исходом. Именно таким следует считать мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. Большая часть энергии поднявшейся волны критической научной и общественной экспертизы после крушения финансовых рынков была вполне справедливо направлена в сторону финансовых институтов. Занавес подняли, и люди увидели гудящие, как растревоженный улей, кабинеты «сильных мира сего». Стало понятно, что в 2007 г. мир стоял на пороге катастрофы, перед которой Великая депрессия могла показаться легкой прогулкой. Но вся эта аналитика, как правило, обходила стороной то, что М. Вебер называл «адекватной причиной»: такие социальные факты, при исключении которых в логическом эксперименте данное событие не имело бы места. Между тем, финансовый кризис неизбежен при любой монетарной политике ФРС, с той лишь разницей, что жесткая монетарная политика, прямо противоположная той, которую выбрали финансовые власти, привела бы к дефляционному кризису и глубокому экономическому спаду значительно раньше. Выбор – между инфляционной и дефляционной экономической политикой. Выбрали инфляционную, поскольку после Великой депрессии для экономиста нет страшнее черта, чем дефляция.

В возникшем новом дискурсе явно не хватало фундаментального экономического и социологического анализа. Ярким примером может служить сомнительная логика политики «количественного смягчения». Председатель ФРС, один из инициаторов мягкой монетарной политики, проводимой сейчас центральными банками ведущих стран, Б. Бернанке так объясняет мотивы своих действий: беспрецедентная денежная эмиссия (сейчас это называется нетрадиционной монетарной политикой) необходима не только для расчистки балансов банковской системы, но и для восстановления атмосферы психологического оптимизма. Поскольку в условиях экономического спада новые деньги не могут найти применения в реальном секторе экономики, они уйдут на финансовые рынки. Это приведет к росту цен на различные активы (недвижимость, акции, облигации и т. п.). Многочисленные держатели активов почувствуют себя увереннее, богаче, будут меньше сберегать и больше тратить, что и требуется для выхода из кризиса, так как капитализм – это экономика спроса. Иллюзия богатства, однако, в принципе, не может заменить реального богатства, по крайней мере надолго.

Психология ожиданий – всегда последнее, за что цепляются манипуляторы рынков. В стороне же от анализа остаются фундаментальные социальные процессы, первичные причины следующих событий: фундаментальные изменения в структуре и отношениях собственности, беспрецедентное углубление общественного разделения труда, изменения в классовых отношениях, декомпозиция основных факторов общественного производства и даже революция ценностной, смысловой сферы общественной жизни западных обществ. Разве можно было ожидать социально ответственного поведения от бесчисленных брокеров и трейдеров после многолетней промывки мозгов идеологией гедонизма и беспредельного индивидуализма. Проблемы современной экономики носят системный характер, и причины накопившихся дисбалансов выходят далеко за пределы обычных кризисных экономических циклов и финансовых манипуляций. Финансовая и кредитная вакханалия предкризисных лет, алчность финансовых манипуляторов – только видимая часть этого экономического айсберга. Подобные события исторического масштаба связаны с глубинными социальными процессами и изменениями. Здесь недостаточно ссылок на циклич-

ность рыночной экономики, например на циклы Н. Кондратьева, на «зиму Кондратьева», связанную с переходом экономики к новому технологическому укладу, или вообще на какие-либо теории экономических циклов.

Современный глобальный финансовый и долговой кризис – следствие изменений в базисных основаниях социальной системы капиталистического общества, изменений во всех системообразующих элементах: технологическом укладе, отношениях собственности, конкуренции, предпринимательстве (роли капитала в общественном производстве). Из этих фундаментальных факторов прежде всего следует выделить научно-технический прогресс, который в аппроксимации создает безлюдное производство, уничтожает то, на чем и строился проект общества «всеобщего благоденствия» – средний класс. Существует укорененный миф о том, что процветание мелкого и среднего бизнеса является благодатной почвой, на которой вырастает средний класс – эта социальная основа развитых обществ. Европейские бюрократы с гордостью напоминают, например, о 23 миллионах мелких и средних частных предприятий в странах ЕС, о двух третьих занятого на них экономически активного населения. На каждых выборах политики взывают к голосам этого среднего класса, замасливают его щедрыми обещаниями. На самом деле средний класс создавался на крупных индустриальных производствах, на рабочих местах, где производилась продукция с высокой добавленной стоимостью. Высокие доходы белых и синих воротничков крупного промышленного сектора перераспределялись в потребительском секторе и становились основой для формирования среднего класса экономики услуг. О ненормальности ситуации свидетельствует то, что почти все американцы считают себя средним классом. Пропаганда постоянно подчеркивает вклад малого бизнеса в ВВП. Но это вклад сервисных услуг. Более того, большую часть этого вклада дают компании-«газели» – малые предприятия, быстро покидающие сектор и переходящие в сектор средних и крупных предприятий.

И вот теперь эта действительная экономическая основа традиционного среднего класса (производительные рабочие места) оказалась под угрозой.

С 1970-х гг. рост доходов домохозяйств среднего класса был связан не с ростом зарплат, а с тем, что в семьях прибавился еще один зарабатывающий. По оценкам аналитиков, США потеряли значительно больше таких рабочих мест в результате технологической модернизации и роботизации, чем от аутсорсинга рабочих мест в развивающихся странах. Некоторые футурологи вообще считают, что постиндустриализм – пролог для перехода к «постчеловеческой» фазе развития земной цивилизации. Пока новый средний класс экономики услуг не будет генерировать доход, обеспечивающий ему гарантированное сохранение социального статуса, его существование будет под вопросом. Возможно, когда «труд» робота-андроида станет дешевле труда молодого китайца, индустрия вернется в развитые страны. Но тогда по иному встанет вопрос о распределении совокупного дохода в обществе, о налогах и вообще об отношениях собственности. А сейчас средний класс экономики услуг переведен на кредитное искусственное питание. Долги домохозяйств в США уже достигли 120–130 % от располагаемого годового дохода.

Здесь как раз и скрыта главная причина финансового и долгового кризиса. Высвобождающуюся рабочую силу надо было как-то трудоустроить, да к тому же при конкурентной заработной плате, чтобы не стимулировать и без того опасный уровень социального неравенства. Но крупное промышленное производство уже не генерировало достаточного совокупного дохода, который можно было бы перераспределить по потребительской цепочке с помощью соответствующей фискальной политики и при этом хотя бы сохранить на прежнем уровне платежеспособный конечный спрос. Доля занятой в индустриальном промышленном и аграрном производстве рабочей силы фантастически сократилась. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в развитых странах к 2007 г. оказалась значительно ниже, чем у ряда

развивающихся стран: США – 13,4 %, Франции – 12,5, Великобритании – 12,4, тогда как в ВВП Китая – 32,9, Таиланда – 35,6, Индонезии – 27,8 %¹.

Экономика и общество США, Британии и ряда других развитых стран оказались в трудном положении. Оставалось только жить в долг, поддерживать конечный спрос за счет все более доступного и более дешевого кредита. Повышение налогов на реальный сектор экономики в условиях открытых глобальных рынков означало снижение конкурентоспособности собственных экономик, что было недопустимо. Протекционистской защите национальных рынков категорически противились транснациональные корпорации, успевшие выстроить глубокие кооперационные цепочки поверх многочисленных национальных границ. Деиндустриализация национальных экономик некоторых ведущих стран зашла слишком далеко. Услужливое академическое сообщество долго скармливало политикам и обществу сказки о постиндустриальном обществе без индустрии. В результате погони за этой голубой постмодернистской мечтой экономики почти всех развитых государств оказались дефицитными.

Б. Обама, придя к власти, конечно, объявил новую реиндустриализацию, но это работа на десятилетия, да и вообще сомнительный рецепт. Ведь новая индустриализация будет проходить на новой технологической основе, а значит, не приведет к существенному росту производительных рабочих мест. Единственным доступным средством микширования надвигающегося системного экономического кризиса оказалась кредитная долговая накачка экономики. Денег для этого было достаточно. Нефтедоллары и «профицитные» доллары из Азии исправно возвращались в западные страны, прежде всего в США и Британию, в обмен на казначейские облигации, да к тому же под низкие проценты. Оставалось только снизить требования регуляторов к деятельности финансовых компаний и финансовых рынков, что и было сделано. Этот исторический выбор запустил долговую машину. Западная экономика больше не располагала достаточными собственными ресурсами для сохранения и воспроизводства социальной структуры. Памятуя последствия Великой депрессии, правящий класс не решился еще раз повторить такую масштабную социальную вивисекцию. Кроме того, была и остается надежда на то, что финансовые проблемы удастся спустить на тормозах, постепенным делевереджем или выбраться из долговой ямы с помощью управляемой инфляции.

Другим важным фактором мирового финансового кризиса стала глобализация, обострившая конкуренцию на товарных рынках и породившая многие новые финансовые дисбалансы в мировой экономике. Конкуренция – одно из важнейших оснований, на которых построено здание капитализма. Но конкуренция – особый тип социальных отношений: она не только созидает, но и разрушает. Поэтому периоды процветания в конкурентной экономике не могут длиться вечно. «Рост конкуренции понизил не только цены (положительный момент), но и прибыльность (отрицательный момент). В следующие 30–40 “бесславных лет” мировая экономика вступила в период длительного застоя (1970–2012 гг.). В это время отмечен рост задолженности (практически всеобщей), рост безработицы по всему миру и отказ почти всех инвесторов от фондового рынка в пользу более безопасного рынка облигаций, в первую очередь облигаций Казначейства США. <...> И это привело нас к сегодняшней ситуации: невероятно поляризованный мир, значительное снижение реальных зарплат... и такое же падение государственных доходов. Один за другим долговые “кризисы” истощили один сегмент мир-системы за другим. И в результате так называемый платежеспособный спрос уменьшается по всему миру, и именно это имеет в виду Соркин, когда говорит о том, что рынок не является больше привлекательным источником прибылей для накопления капитала»².

Весна глобализации дала жизнь горьким плодам торговых и платежных дефицитов и профицитов, в конечном счете заложила бомбу под мировую финансовую систему. Мы свидетели начинающихся войн конкурентных де-

вальваций валют. Пока финансовые власти ведущих стран успокаивают себя и общественное мнение заявлениями, что ничего экстраординарного не происходит и что они не допустят худшего. Развитые страны солидарно вкачивают эмиссионные деньги в мировую экономику, экспортируя инфляцию в развивающиеся страны. Япония, похоже, вообще решила утопить себя в деньгах. В соответствии с принятым планом «абэномики» планируется вливать в экономику по 600–700 млрд долларов в год. Рано или поздно развивающиеся страны и вообще пострадавшие от такой монетарной политики страны взбунтуются. Если, не дай бог, начнутся валютные войны, нынешняя пусть и очень несправедливая мировая денежная и финансовая система рухнет. А история напоминает, что все начинается с валютных войн, следующая стадия – торговые войны и, наконец, просто войны.

Глобализация воспроизводила избыток денег в одних экономических центрах и дефицит в других. Накапливались «беспризорные» деньги, мечущиеся по миру уже даже не в поисках прибыли, а в поисках защитных активов, стимулируя рост цен на сырьевые товары и рост инфляции издержек, что угнетающе действовало на экономический рост, занятость и социальные программы. Глобализация инициировалась крупным промышленным капиталом. Так же, как финансовый капитал бежал от высоких налогов в офшоры, промышленный капитал, перегруженный социальными обязательствами, под давлением растущей конкуренции и в поисках дополнительной прибыли начал миграцию в развивающиеся страны. Наряду с техническим прогрессом это способствовало еще большему вымыванию производительного слоя в структуре занятого населения западных стран, росту государственных заимствований, бюджетных дефицитов и созданию дополнительных предпосылок нынешнего финансового и долгового кризиса. Транснациональные корпорации процветали, а многие традиционные трудоемкие отрасли промышленности западных стран умирали, возникали сложные проблемы на рынке труда, усиливалась нагрузка на государственные финансы.

Поощрение трудовой миграции из второго и третьего мира в период экономического роста способствовало вытеснению из сферы неквалифицированного труда коренного населения, формированию своего рода трудового снобизма, а в последующем и массового иждивенчества. В Испании сейчас чуть ли не половина молодежи в возрасте до 25 лет безработные, и это при наличии свободных или временно занятых гастарбайтерами рабочих мест в сфере неквалифицированного или малоквалифицированного труда. Молодежь, однако, желает работать только менеджерами, дизайнерами и стилистами-визажистами. Не имея такой возможности, они предпочитают сидеть на приличном и не ограниченном по времени пособии по безработице. Государственные финансы перегружены, государственные долги растут, что существенно ограничивает инвестиционные возможности государства именно тогда, когда экономика больше всего нуждается в государственной поддержке.

Но наиболее существенные изменения в денежных практиках, в государственных и частных финансах вызваны эволюцией базисных социальных отношений между трудом и капиталом в развитых странах, переменами в расстановке классовых сил. В послевоенные годы интенсифицировался процесс классовой самоорганизации не только буржуазии, но и наемных работников. В эти годы рабочее движение находилось под сильным влиянием марксистской и социалистической идеологии, марксистские партии входили в правительства многих стран Западной Европы. В США были предприняты специальные меры по предотвращению распространения марксистских идей (многие левые интеллектуалы стали жертвами маккартизма). Профсоюзные боссы в США не гнушались использовать мафию в борьбе с работодателями. Профсоюзы в послевоенные годы стремительно наращивали социальные мускулы и политическое влияние. При полной поддержке политиков-популистов левого толка, процветавших в условиях политической демократии, был

нарушен разумный баланс в отношениях между трудом и капиталом, что сначала подтолкнуло процессы централизации капитала, а затем его миграцию в офшоры и в страны с дешевой рабочей силой. Капитал проголосовал против демократии ногами, то есть деньгами.

Рост заработной платы способствовал росту потребительского спроса и росту экономики. Однако после Великой стагфляции 1970-х гг. рост зарплат практически остановился, экономика не тянула, и социальная политика для поддержания платежеспособного спроса постепенно начала переключаться на кредитные стимуляторы, что и привело в нулевые годы к острой кредитной наркомании. В некоторых странах Южной Европы, переживающих острый кризис, мы уже наблюдаем массовое сопротивление населения мерам бюджетной экономии на грани бунта. И это только цветочки, будут и ягодки. Дойдет очередь и до Франции, Британии и даже Германии. Глобальная конкуренция поставила под сомнение самый амбициозный социальный проект Запада – государство социального партнерства. Этот проект загнал западные страны в долговую яму, из которой выхода не видно. Трудно представить, что приученное к социальным гарантиям и сытой жизни население так же легко смирится с резким падением уровня жизни, что дело обойдется без социальных и политических потрясений. Поскольку классовые отношения – это преимущественно отношения посредством денег и по поводу денег, то в условиях открытых глобальных рынков и под влиянием технологического прогресса эти отношения придется пересматривать. Чтобы выжить, европейцам самим придется стать немного китайцами.

На денежные и финансовые системы существенно повлияла декомпозиция двух основных факторов общественного производства – труда и капитала. Под влиянием научно-технического прогресса росла капиталоемкость общественного производства и, следовательно, росла доля совокупного дохода, приходящегося на капитал, в то время как доля наемного труда в совокупном доходе сокращалась. Но именно домохозяйства обеспечивают три четверти конечного потребительского спроса. Рост капиталоемкости производства подрывал доходную базу массового потребительского спроса, стимулировал рост социального неравенства. На одном классовом полюсе накапливался дефицит денег, на другом – избыток. За период с 1973 по 2008 г. денежный (спекулятивный) капитал вырос с 20 до более чем 900 трлн долларов. Мировой ВВП за этот же период вырос с 3,9 до 65,6 трлн.³ Эта огромная масса денег и ценных бумаг, включая деривативы, как лавина, может в любое время обрушиться на мировую экономику, сметая все на своем пути. «Лишние» деньги, не найдя применения в потребительском и инвестиционном секторе экономики, уходили на финансовые рынки, раскручивая маховик финансовых спекуляций.

На формирование спекулятивной экономики, долгового и финансового кризиса существенно повлияла и социализация капитала. Выросла доля акционерного капитала, миллионы граждан стали владельцами акций компаний, облигаций и других ценных бумаг, участниками многочисленных паевых фондов. Самоорганизация свободных, особенно пенсионных и страховых, денег привела к формированию класса консервативных институциональных инвесторов (пенсионные фонды, страховые фонды и др.), вкладывавших свои деньги в основном в государственные облигации. Кризис суверенных, то есть государственных долгов поставил многие из этих коллективных фондов на грань банкротства. Все это накладывало ограничения на финансовую политику. Правительства не могли допустить банкротства частных пенсионных фондов, аккумулировавших пенсионные сбережения миллионов граждан. На финансовых рынках возникло новое явление, обозначенное характерным выражением «слишком большой, чтобы упасть». Речь идет о банках и финансовых компаниях, банкротство которых прямо угрожает социальной и политической стабильности. На пике финансового кризиса правительства спасали крупные финансовые компании не только потому, что были озабо-

чены деньгами финансовых олигархов, но и потому, что кризис угрожал сбережениям миллионов рядовых граждан, в том числе пенсионным накоплениям. Финансовым властям приходилось выбирать меньшее из зол, по крайней мере на тот период времени.

Управление финансами изменилось после революции менеджеров, разделения капитала-собственности и капитала-функции. Капитал в оборот все чаще стали реально запускать менеджеры, а не собственники, они рисковали карьерой, но не собственными деньгами, в их интересах было склонить владельцев капитала к риску. Кабинеты финансовых компаний заполнили высоколобые математики, запутавшие управление финансами до такой степени, что собственники и члены правлений часто вынуждены были им полностью доверяться. Тем более что такие же математики получали нобелевские премии по экономике за работы, в которых с математической строгостью доказывали: ребята, не беспокойтесь, на финансовых рынках все в порядке, финансовые и экономические кризисы уходят в прошлое. Под фактический контроль финансовых менеджеров переходили и деньги рядовых граждан, аккумулированные в различных коллективных фондах. Свою долю в подготовке финансового кризиса внесли и новые IT-технологии. В настоящее время торговые роботы осуществляют большую часть финансовых операций на рынке ценных бумаг, что существенно повышает риски. Финансовые компании вкладывают миллиарды долларов только для того, что бы ускорить электронные торговые сделки на несколько миллисекунд. Это возможно только в системе, где большие деньги делаются с бешеной скоростью, но и с огромными рисками.

Основой основ современного финансового кризиса является кризис платежеспособного спроса, порождающий долговой кризис. Помимо отмеченных факторов, падению платежеспособного спроса способствовало и старение населения. Все новомодные теории о светлом будущем «экономики серебряных волос» – очередной самообман. Старение населения принципиально меняет структуру потребительского спроса и даже структуру экономики, приводит к снижению потребительского спроса и росту нагрузок на государственные бюджеты и социальные программы, к сокращению производительного слоя населения. Одной из важнейших причин фактической депопуляции населения в западных странах является кризис в системе «семья – работа». Два основных института общества – институт семьи и экономика – блокируют друг друга. Рождаемость снижается из-за неприемлемого с точки зрения интересов общества и личности навязанного выбора «либо семья – либо карьера», а снижение рождаемости приводит к снижению производительного потенциала общества и к перегрузке экономики непроизводительными расходами. А ведь впереди массовый выход на пенсию поколения «беби-бумеров».

Таким образом, к кризисному состоянию денежных и финансовых систем привела целая цепочка объективных процессов в капиталистической экономике, связанных с фундаментальным противоречием капиталистической организации общества. К. Маркс определил это противоречие как противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения. В современной формулировке это базисное противоречие можно определить как несоответствие между постоянно растущей способностью общества к производству благ и отстающей или падающей потребительской способностью населения. Такая система не в состоянии поддерживать денежную и финансовую стабильность надолго, не нарушать растущий или хотя бы стабильный массовый потребительский спрос. Деньги постоянно и во многом стихийно мигрируют по различным рыночным площадкам, либо вообще исчезают, «омертвляются» в неэффективных (невозвратных) инвестициях. Рыночная экономика располагает всеми необходимыми внутренними системами самонастройки. Финансовые и экономические кризисы как раз и являются такими системными механизмами саморегуляции. Однако масштабы опасных последствий с каждым таким

кризисом нарастают и становятся неприемлемыми по социальным и политическим причинам. Это реальность, она и создает проблемное поле для денежных и финансовых регуляторов, которым часто приходится выбирать меньшее из зол. А поэтому любые действия политической и финансовой элиты в условиях системного кризиса всегда уязвимы для критики.

В конечном счете, финансовые кризисы в любой экономике, рыночной или раздаточной (советской), связаны с накоплением критической массы неэффективных инвестиций. Если несбалансированное распределение денег, угнетающее потребительский спрос, еще можно регулировать обычными методами кредитно-денежной и фискальной стимулирующей политики, то потерянные или замороженные в неэффективных инвестициях деньги уже не вернуть на рынок. Это безвозвратно потерянные ресурсы и труд. Есть гипотезы о том, что неэффективны инвестиции в новую экономику знаний. В результате торговый баланс между фабриками товаров и фабриками знаний оказался не в пользу последних, что и привело к разбалансировке мировых финансов. Возможно, это тоже одна из причин мирового финансового кризиса. Деньги либо уходят с потребительского рынка в сферу финансовых спекуляций, либо омертвляются в неэффективных (невозвратных) инвестициях, либо превращаются в «беспризорный» капитал, который вообще непонятно кто контролирует. Участникам рынка и финансовым властям приходится постоянно лавировать, вести сложную игру по согласованию интересов.

Эта сложная динамика денежных и финансовых отношений воспроизводится с тех пор, как экономика перешла на стадию всеобщего товарного производства. М. Вебер охарактеризовал историю как постоянную борьбу социальных групп по определенным для данной эпохи правилам. Социальная история денег – убедительный пример такой интерпретации исторического процесса. «Денежная игра», социальные конфликты по поводу денег рано или поздно завершались пусть и несправедливыми, вынужденными, но компромиссами, признанными основными участниками «денежной игры» общими правилами в области денежных и финансовых отношений.

Первая исторически знаковая победа частных денег зафиксирована созданием частного Национального банка Англии (1694), а высшие достижения связаны с созданием ФРС как частного Национального банка США (1913). Сейчас не представляется возможным оценить все последствия достигнутого доминирования частных денег, как и реальное распределение власти между политическими, промышленными и финансовыми элитами. Ясно, что во время финансового кризиса 2007–2008 гг. большие финансовые компании спасали за счет рядовых налогоплательщиков в расчете на то, что денежный капитал в лице крупных финансовых корпораций вытянет всех из кризиса, как Мюнхгаузен вытянул себя из болота за волосы.

Во время кредитного ажиотажа финансовые учреждения накопили массу рискованных долговых обязательств. Мировая экономика стояла на пороге глобальной финансовой катастрофы. Финансовые власти были вынуждены приступить к изъятию этих токсичных активов, скупке неликвидных ценных бумаг на балансы центральных банков. Эту политику критики обозначили как приватизацию прибыли и национализацию убытков. В результате опасно выросли государственные долги. И здесь неожиданно выявились новые проблемы, ставшие серьезным препятствием на пути стабилизации денежных и финансовых рынков. Оказалось, что рискованные эксперименты с денежными системами столь же опасны, как и объективные противоречия в экономике. Стало понятным, что денежные и социальные системы должны быть достаточно когерентны. Самый яркий пример нарушения этого фундаментального с точки зрения социологического понимания денег принципа – незавидная судьба евро, валюты стран еврозоны. Это пример социального конструирования, опасно опережающего эволюцию социальных процессов. Капитал естественно стремится к росту прибыли. Иначе он гибнет.

Простейший путь достижения этой цели – расширение рынков и минимизация препятствий для торгового оборота. Форсированное введение евро инициировали крупные компании и банки стран лидеров ЕС. Свою лепту внесли политики-демагоги и различной масти идеалисты. Проект был изначально крайне политизирован и трезвые критические голоса ряда авторитетных экономистов и финансистов никто не хотел слушать. Введение единой валюты для столь различных экономик, специфических этнических и культурных сообществ, к тому же с фиксированной за долгую историю национальной и культурной идентичностью, неизбежно стало очень рискованным социальным экспериментом. Единая валюта с необходимостью предполагает определенный уровень социальной солидарности, общественного согласия (лучше добровольного, чем принудительного) по поводу распределения благ в пределах данного сообщества, например согласия на безвозмездные денежные трансферты дотационным регионам. В противном случае единая валюта может стать источником обострения социальных конфликтов, как на национальном, так и на международном уровне, что и происходит сейчас в еврозоне.

Предполагалось, что введение единой валюты будет способствовать выравниванию конкурентоспособности экономик стран, входящих в валютный союз. Но события развивались в прямо противоположном направлении. Южному легковесу предложили на равных, по единым правилам состязаться на экономическом ринге с нордическим монстром. Результат был предопределен. Северные компании успешно захватывали южные рынки, северные банки охотно кредитовали эту безжалостную экспансию. Южные страны вынужденно перестраивали и упрощали отраслевую структуру собственных экономик. Производство товаров с высокой добавленной стоимостью концентрировалось на севере. На юге развивалась сервисная экономика. Догоняющее потребление финансировалось за счет внешних заимствований. Крупные германские банки, например, выделяли кредиты на льготных условиях, так как такие кредиты, хотя и не явно были товарными, под закупку товаров тех же германских производителей. На все это накладывались культурные различия в трудовой этике, традиции семейственности и родства, ритмика повседневной жизни, коррупция и безответственность политического класса.

К тому же южные страны понесли значительные потери в результате обострения глобальной конкуренции. Финансовый кризис 2007–2008 гг. поставил такие страны, как Греция, Португалия, Ирландия, на колени. Стоимость заимствований на открытых рынках резко выросла, и ряд стран был вынужден обратиться за помощью к ЕЦБ. Кризисные страны еврозоны оказались в экономическом тупике. В ответ на предоставление помощи Германия потребовала финансовой консолидации, т. е. снижения бюджетных дефицитов, повышения налоговой дисциплины, снижения государственных расходов и т. п. Не имея возможности провести девальвацию собственной валюты (поскольку таковой просто не было), кризисные страны в целях повышения конкурентоспособности были вынуждены прибегнуть к внутренней девальвации, что означало именно снижение затрат на заработную плату, сокращение занятости, принуждение к более интенсивному труду. Политика экономии привела к снижению платежеспособного спроса, к экономической рецессии, что в свою очередь сократило налоговую базу и снова воспроизвело бюджетные дефициты. Целый ряд стран еврозоны оказался в ловушке: надо как-то выбираться из долговой ямы, экономить, но при этом обеспечить экономический рост. По важнейшему в сложившейся кризисной ситуации вопросу – тратить или экономить – развернулись острейшие дискуссии, которые пока не дают результатов. Сторонники финансовой стабилизации за счет жесткой экономии предпочитают традиционные методы борьбы с долговым и экономическим кризисом, даже если это связано с социальными и политическими рисками. Неокейнсианцы категорически с этим не согласны. По их глубокому убеждению, политика «затягивания поясов» в период кри-

зиса губительна. Пресса иронично назвала первых «экономляне», а вторых – «кругманяне» по имени их лидера лауреата Нобелевской премии по экономике (2008) Пола Кругмана. Экономические рецепты неокейнсианцев отличаются особой радикальностью. Даже обычно левый журнал The New Republic по этому поводу вынужден был заметить: «“Экономляне” заслуживают уважения: они хотя бы говорят о невкусной, но полезной овсянке на завтрак, тогда как “кругманяне” разговаривают только о сладком десерте»⁴.

Весь этот спор напоминает спор лилипутийцев в романе Дж. Свифта о том, с какого конца разбивать яйцо. «Экономляне» верят в то, что старые проверенные рецепты борьбы с кризисом хотя и очень болезненны, но позволяют быстрее пережить трудные времена. Они призывают не забывать об уроках Великой стагфляции 1970-х гг., опасаются последствий искусственного стимулирования экономики. Градус этих яростных споров в СМИ зашкаливает, оппоненты обвиняют друг друга в профнепригодности и даже в корыстной заинтересованности. Но все это на публике и для саморекламы. В принципе, все эксперты предлагают одно и то же: лавировать между Сциллой мягкой монетарной политики и Харибдой политики «затягивания поясов». При этом почти все согласны, что в любое время может прилететь «черный лебедь», крайне редкое, непредсказуемое событие, после которого наступит катастрофа. Книга финансового гуру Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» продержалась семнадцать недель в списке бестселлеров New York Times и переведена на 27 языков.

Естественно, что все эксперты призывают южан к реформам, однако это понятие слишком неопределенно. Обычно рекомендуют дерегулирование рынков, особенно рынка труда и ряд других законодательных реформ. Но подобных реформ явно недостаточно. Потребуется перестройка всей политической системы ЕС, переформатирование экономической географии стран еврозоны, основательные изменения в региональном разделении труда. Недостаточно создавать новые рабочие места в кризисных странах, даже если найдутся инвесторы, надо еще найти рынки сбыта для продукции этих новых производств, и это при сжимающемся мировом потребительском и инвестиционном спросе. Желающих уступить хотя бы часть своих внутренних рынков, тем более оплатить весь банкет, нет. Германия всеми силами сопротивляется обобществлению долговых обязательств стран еврозоны через введение евробондов. От развала еврозону удерживает только страх перед экономическими, социальными и политическими последствиями. Даже если несколько более или менее благополучных стран еврозоны попытаются разогнать буксующий тяжеловесный состав евроэкономики, не факт, что у них хватит сил. А вот шансы на то, что, спасая утопающих соседей, Германия, например, может сама утонуть, высоки.

История евро – особенно убедительный пример рисков, порождаемых несогласованностью денежной и социальной систем. Это еще один важный социальный фактор нынешнего финансового кризиса. Экономика вообще лишь одна из подсистем общества (Т. Парсонс). Экономические и социальные последствия скороспелого решения, игнорирующего мнения весьма авторитетных экспертов, оказались крайне тяжелыми. Евро стало королем без королевства. Единая денежная система не может нормально функционировать без соответствующей политической надстройки, формы государственности. А создание такой политической надстройки предполагает наличие соответствующего исторического и социокультурного фундамента. Все предшествующие попытки создать подобные региональные валюты заканчивались неудачно именно по этой причине, единая валюта предполагает единый территориальный суверенитет, единый бюджет и налоговую политику. Подобные валютные союзы, если и создаются, живут до первого серьезного кризиса. Даже в СССР, гораздо более консолидированном союзе, чем какое-либо из возможных политических объединений стран еврозоны, в трудные времена

и при первых признаках ослабления центральной власти между республиками и регионами начались затяжные споры на сакраментальную тему «кто кого кормит». Важно иметь в виду, что кризис денежной системы в СССР («деревянный рубль») подрывал общенациональную и гражданскую идентичность, что также стало одной из причин распада федеративного государства и введения в бывших республиках собственных валют. Экономическая теория предъявляет четкие требования к единой валютной территории, но выполнение этих требований в еврозоне по социальным, политическим и культурным причинам крайне затруднительно.

Под влиянием затяжной рецессии в Европе растет недовольство евроинтеграционной политикой. На следующих выборах в парламент Германии может пройти партия «Альтернатива для Германии», которая требует выхода из еврозоны. «Слабейшим в евроклубе не место», – заявляют лидеры этой партии. Критические голоса нарастают и в других странах. Во Франции лидер правонационалистической партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен после президентских выборов 2012 г. заявила: «Сражение за Францию только началось», в том числе имея в виду противодействие процессам евроинтеграции и зависимости от международных финансовых организаций. За «Национальный фронт» проголосовали 20 % избирателей.

Такой авторитетный эксперт, как Ларс Кристенсен, основатель Saxo Bank, например, вообще считает, что только распад еврозоны поможет победить кризис в Европе: «Уберите евро, и через какое-то время вы получите отличное место для жизни на месте нынешних пожарищ. Но если вы верите в евро и готовы его защищать, дела будут идти все хуже». Он также считает, что европейская бюрократия будет до последнего защищать этот проект: «В ЕС появляется все больше и больше людей, которым нужна только власть, много власти. Уже сейчас часть важнейших решений принимается без всяких голосований, принимается людьми, которых никто не выбирал. Европа движется в очень плохом направлении, в направлении полутоталитарного общества. Это происходит под лозунгом “Больше ЕС, больше Единой Европы”, которую надо защитить любой ценой... Это определенно не работает, но политики продолжают делать то, что не работает. У них один ответ на все: нужно делать больше. Они делают больше, но от этого всем становится хуже»⁵.

Критически настроены к будущему валютного союза многие авторитетные экономисты. Нобелевский лауреат по экономике Эдмунд Фелпс (2006) в интервью телеканалу «Блумберг» так описывает ситуацию: «Мы продолжаем наблюдать за развитием европейского эксперимента. На мой взгляд, пока трудно сказать, будет ли он в итоге успешным. Никто не может гарантировать, что он не провалится. Кризис обнажил огромные прорехи в структуре еврозоны. Практически все страны в той или иной степени подвержены бегству капитала и оттокам валютных средств. Мы наблюдаем “бегство” банковских депозитов из одних стран еврозоны в другие. Мне трудно поверить, что в текущей ситуации есть страны, которые хотят прямо сейчас присоединиться к Евросоюзу и вступить в еврозону. Это все равно, что сказать: “Посмотрите, какой красивый дом. Ну да, сейчас он горит. Но мы все равно должны купить его!”»⁶.

Современная ситуация на мировых денежных и финансовых рынках формировалась в процессе длительного исторического соперничества государственных и частных финансов. Нынешний кризис своего рода подведение итогов одного из этапов этого сотрудничества-соперничества. В системе не должно быть бесплатных денег для государства. За них надо платить, и платить Международному банковскому картелю. Только он может обеспечить денежную стабильность и эффективное управление финансами. В этом суть идеологии банковской элиты, которую она последовательно исповедовала последние столетия. По аналогии с известным выражением «Война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам» банкиры как бы заявляли: «Деньги слишком серьезное дело, чтобы доверять их политикам». В этом

и смысл продолжавшегося столетиями конфликта между властными и финансовыми элитами, соперничества, в котором баланс противостоящих интересов и сил постоянно менялся при неизменном усилении экономических и политических позиций международного частного банковского капитала. И нельзя сказать, что «банкиры-душегубы» совсем уж не правы. Большие деньги – слишком большой соблазн для власти и для политиков. Но это в равной степени касается и банковского сообщества. Следовательно, в идеале денежная и финансовая система должна обеспечивать взаимный социальный контроль со стороны основных классовых групп общества над денежными отношениями и вместе с тем не препятствовать инициативам финансового капитала – основы основ современного капитализма.

В стандартном циклическом кризисе мягкая денежная политика стимулирует деловую активность и потребительский спрос, а рост экономики позволяет стабилизировать финансы, возвратиться к нормальным процентным ставкам. Но нынешний кризис системный и одними финансовыми манипуляциями здесь не обойтись. Деньги, конечно, кровь экономики, но одного переливания крови недостаточно. Сначала финансовые власти попали в ловушку падающего по объективным причинам потребительского спроса и были вынуждены запустить печатный денежный станок, затем оказались в классической ловушке ликвидности и, наконец, столкнулись с тем, что Нуриэль Рубини назвал «ловушка на выходе». Все прекрасно понимают, что поддерживать практически нулевые учетные ставки опасно, что рано или поздно надо прекратить скупку токсичных активов на балансы центральных банков, что такая финансовая политика разрушает нормальную работу рынков. Но выход из этой политики может оказаться еще опаснее, чем вход. Продолжение мягкой монетарной политики ведет к надуванию пузыря на рынках различных активов. Чем это может закончиться, показал финансовый кризис 2007–2008 гг. В то же время поднять учетные ставки и закрыть программы «количественного смягчения», значит, на корню убить даже сомнительные ростки экономического роста. «Отказаться от политики нулевой процентной ставки и закрыть программу количественного ослабления будет очень сложно: чуть быстрее и реальная экономика скатится в пропасть, чуть медленнее и кругом начнут появляться пузыри, которые потом разрушат финансовую систему»⁷.

Старые российские «проклятые» вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», похоже, начинают овладевать умами интеллектуалов и на благополучном Западе. СМИ, документальный кинематограф заполнили разоблачительные сюжеты. Оптимисты надеются проскочить между каплями дождя, признавая, что это будет трудно, но в принципе возможно. Моралисты во всем винят алчных банкиров и уже всех вычислили. Критически настроенные аналитики смотрят в корень: виноваты плохие деньги, ссудный процент и кредитная эмиссия на основе частичного покрытия. Но общество без ссудного процента, без кредитных денег – уже не капитализм. Тогда что? На этот вопрос не смог ответить даже К. Маркс. В современной капиталистической миросистеме накопилось слишком много дисбалансов. Для выхода из кризиса внутрисистемных ресурсов самонастройки уже не хватит. Придется запускать мотор экономики вручную, с помощью инструментов, которые сейчас туманно называются «нетрадиционной денежной и финансовой политикой». Глобализму придется отступить. Впереди мир, скорее всего, ждет регионализация мировых рынков, создание валютных зон, усиление протекционизма, валютные войны, глобальное соперничество за ресурсы и военные конфликты. Первыми признаками этого нового мира можно считать форсирование проекта евроатлантической региональной экономической зоны на основе объединения экономик Европы и Северной Америки. Г. Киссинджер с недавнего времени настойчиво предлагает инкорпорировать в этот переформатированный союз и Россию, завершив тем самым процесс глобального объединения Запада перед неизбежным противостоянием с другими региональными валютными и экономическими зонами, прежде всего с Юго-Восточной Азией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности в 2007 г. Режим доступа : <http://expert.ru/expert/2011/34/ne-hvataet-klassa/media/99854/>
- ² Валлерстайн И. Экономическое восстановление, которого не будет. Режим доступа: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/ekonomicheskoe_vosstanovlenie_kotorogo_ne_budet/
- ³ См.: Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. М., 2012.
- ⁴ Кинсли М. Ошибочные нравоучения Пола Кругмана о политике жесткой экономики // The New Republic. 2003. 16 мая. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20130518/209103583.html>
- ⁵ Кристенсен Л. Интервью порталу «Финмаркет». Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3265491>
- ⁶ <http://www.vestifinance.ru/articles/27841>
- ⁷ Рубини Н. Ловушка на выходе. Режим доступа: <http://www.forexpf.ru/news/2013/05/19/aj1f-lovushka-na-vykhode.html>

Поступила в редакцию: 11.02.13.

УДК 316.4

Ж. Т. ТОЩЕНКО,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (МОСКВА)

НОВЫЕ ЛИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИМИТАЦИЯ*

В контексте объективных реалий представлена авторская позиция относительно трактовки традиционных классических подходов к происходящим в современном обществе процессам. Особенности общественной жизни рассматриваются через специфику одного из действующих социальных процессов – имитацию, отражающую подмену деятельности во всех ее проявлениях и на всех уровнях организации социума – федеральном, региональном и местном – охватывающих сферы политики, экономики, культуры, социальной жизни. Используя смысловое значение имитации через ее определение как «подделка», «правдоподобие», анализируются причины, условия возникновения, формы и методы имитации, механизмы ее появления и использования. Сущность предлагаемых форм имитации – демагогия, провокация, фальсификация, профанация, манипулирование, иллюзия, перформанс – раскрывается путем иллюстрации событиями политической жизни современной России. Обозначаются социальные последствия имитации.

Ключевые слова: имитация, имитация на федеральном, региональном и местном уровнях, имитация в сферах политики, экономики, культуры, социальной жизни, причины имитации, условия возникновения имитации, формы и методы имитации, механизмы появления и использования имитации, демагогия, провокация, фальсификация, профанация, манипулирование, иллюзия, перформанс, социальные последствия имитации.

Вместо введения. Теоретические концепции современной социологии, претендующие на анализ и обобщение результатов эмпирических исследований, опираются именно на изучение трех компонентов – общественное

The author suggests his position to interpretation of traditional classical approaches to the ongoing processes in a modern society in the context of objective realities. The features of social life are seen through specificity of an existing social process – imitation, reflecting substitution of activity in all its forms and at all levels of the society organization – federal, regional and local ones, and covering politics, economy, culture and social life. The reasons, conditions for appearance, forms and methods, mechanisms of appearance and use are analyzed applying to imitation in its meaning of counterfeit, verisimilitude. The essence of imitation suggested forms – demagoguery, provocation, falsification, profanity, manipulation, illusion, performance – is disclosed by illustrating the political events of modern Russia. Social consequences of imitation are denoted.

Key words: imitation, imitation of the federal, regional and local levels, imitation in politics, economy, culture, social life, reasons for imitation, conditions for imitation appearance, forms and methods of imitation, mechanism of imitation formation and use, demagoguery, provocation, falsification, profanity, manipulation, illusion, performance, social consequences of imitation.

* См.: «Социологические исследования». 2012. № 12. С. 23–36.